

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111

**Колониальное развитие Тайваня глазами
современных японских исследователей
(на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы,
создавшие современный Тайвань»)
Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese
who made modern Taiwan**

В.А. Перминова

Аннотация: В рецензии представлен обзор монографии известного японского ученого-экономиста, профессора Университета Такусёку Тосио Ватанабэ, посвященной исследованию колониальной истории Тайваня первой половины XX в. Автор книги представил яркую картину того, как японцам удалось кардинальным образом трансформировать всю экономику острова и перенести «мэйдзийскую» модель модернизации в свою колонию.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, модернизация, Мэйдзи, колония.

Автор: Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО МИД России, доцент Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: verger177@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Перминова Вера Александровна. Колониальное развитие Тайваня глазами современных японских исследователей (на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань»). Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books, 2022. 168 p. // Японские исследования. 2023. № 3. С. 103–111. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 23-18-00109 «Нарративы «исторических обид» в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

**Colonial development of Taiwan as viewed
by contemporary Japanese scholars
(using the example of the book by Toshio Watanabe
The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan)
Review of: Watanabe T. *The Meiji Japanese
Who Made Modern Taiwan***

V.A. Perminova

Abstract: This review analyzes the monograph by a famous Japanese economist, professor of Takushoku University Toshio Watanabe, which focuses on the colonial history of Taiwan in the first half of the 20th century. The author provides a vivid picture of the Japanese transforming the entire economy of the island and “transplanting” the model of Meiji modernization into their colony.

Key words: Taiwan, Japan, modernization, Meiji, colony.

Author: *Perminova Vera A.*, PhD (History), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; member of the research team of the project “Narratives of “historical grievances” in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”, MGIMO University; Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: verger177@yandex.ru.

For citation: Perminova V.A. (2023). Kolonial’noe razvitie Taivanya glazami sovremennykh yaponskikh issledovatelei (na primere knigi T. Vatanabe «Meidziiskie yapontsy, sozdavshie sovremennyi Taivan’»). Retsenziya na: Watanabe T. *The Meiji Japanese who made modern Taiwan* [Colonial development of Taiwan as viewed by contemporary Japanese scholars (using the example of the book by Toshio Watanabe *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*). Review of: Watanabe T. *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2023, 3, 103–111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111.

Acknowledgements: This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109 “Narratives of “historical grievances” in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”).

Книга Тосио Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» посвящена исследованию колониальной истории Тайваня первой половины XX в., а точнее изучению роли Японии в модернизации острова. На примере известных японских ученых и инженеров, работавших на Тайване в то время, а также талантливых администраторов, которые внесли наибольший вклад в развитие колонии – таких как Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй – Т. Ватанабэ постарался представить яркую картину того, как мэйдзийским японцам удалось кардинальным образом трансформировать всю экономику острова. В качестве подтверждения эффективности колониальной политики автор книги приводит сообщения из западной прессы начала XX в. о результатах освоения острова, где Японскую империю признают успешной колониальной державой, способной эффективно управлять «дикими» территориями. В заключении Т. Ватанабэ проводит сравнение колониального Тайваня и колониальной Кореи, отвечая на вопрос, почему управление Тайванем оказалось более успешным и современные тайваньцы в большей мере настроены прояпонски, чем жители Кореи.

Книга состоит из десяти глав (включая вступление и заключение), однако тематически ее можно условно разделить на несколько частей – адаптация японского сорта риса на Тайване и использование этих наработок в других странах Азии (главы 1, 2), строительство

ирригационной системы (главы 4, 5), краткий экскурс в историю Тайваня (глава 3), особенности управления Тайванем под руководством Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй (глава 6), восприятие японской политики в США и Англии (глава 7), сравнение колониального опыта Тайваня и Кореи (заключение).

Культивация риса «хораи»

Одним из ярких ученых, работавших на Тайване в колониальный период, был Исо Эйкити (Iso Eikichi), который вывел производство риса на принципиально новый уровень. Он прибыл на остров в 1912 г. для решения вопроса недостатка риса в масштабах всей империи – в самом начале XX в. и особенно после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония испытывала серьезную нехватку в этом продукте. Как отмечает Т. Ватанабэ, увеличение урожайности тайваньского риса, в первую очередь, помогло урегулировать рисовый кризис в метрополии, и, во-вторых, в значительной мере способствовало модернизации рисового производства в колонии. Э. Исо работал на сельскохозяйственной экспериментальной станции в пригороде Тайбэя, почти в это же самое время его коллега Суэнага Мэгуму (Suenaga Megumu), прибывший на остров двумя годами ранее, проводил подобные исследования в г. Цзяи (Каги)¹.

Т. Ватанабэ довольно подробно описывает научную работу, которую провели Э. Исо и М. Суэнага, прежде чем пришли к выводу о том, что следует адаптировать под тропические условия Тайваня именно японский сорт риса, а не заниматься селекцией местных сортов [Watanabe, 2022, p. 7]. Как замечает автор, культивация японского сорта, который с немалым трудом можно было выращивать в тропиках, была вызвана, в первую очередь, тем, что этот продукт должен был в основном поставляться в Японию (с. 7–8). Тайваньские сорта риса для жителей метрополии не подходили по вкусовым качествам, поэтому реализация такого масштабного проекта, как кардинальное повышение урожайности риса и экспорт его в Японию, могла быть оправдана с материальной точки зрения только в том случае, если этот рис будут покупать японцы, а в перспективе, если эксперимент будет удачным, – и другие страны Азии. Таким образом, первостепенной задачей повышения урожайности риса на Тайване было не накормить местное население, которое вполне было готово потреблять местные сорта, а, главным образом, экспортировать рис за пределы колонии. Напомним, что такое стремительное увеличение производства не сказывалось на увеличении потребления продукции внутри колонии – заниженные властями цены на рис и, как следствие, сокращение доходов крестьян явилось причиной того, что средний объем потребления риса на человека сократился почти на треть – крестьяне вынуждены были сбывать на рынке по невысокой цене часть потребляемого семей риса и восполнять недостаток другими продуктами [Чэнь Бишэн 1982, с. 207].

Т. Ватанабэ пишет, что японский сорт риса стал популярен среди фермеров на Тайване и полюбился местным жителям [Watanabe 2022, p. 12–13]. Это, вероятно, так, однако этой популяризации немало способствовали конкретные административные меры, которые стимулировали местных фермеров выращивать именно этот сорт риса. Как отмечает Т. Ватанабэ, еще на протяжении нескольких лет после того, как в 1926 г. сорт *хораи* был официально анонсирован на XIX ежегодной конференции Ассоциации поставщиков риса Японской империи, Э. Исо пришлось еще много работать над тем, чтобы урожайность такого прихотливого сорта не зависела от погодных условий и была стабильно высокой. Как замечает автор, в некоторых областях, где выращивали *хораи*, иногда погибало от 40 до 100% урожая (с. 14–15), поэтому методы культивации и конкретный вид этого сорта Э. Исо усовершенствовал

¹ Позднее, с 1915 г. оба ученых работали вместе в районе г. Тайчжун (Тайтю), где сложились более благоприятные условия для выращивания риса.

вплоть до окончания японского правления и даже позднее – уже при китайских властях. Вместе с тем, Э. Исо и М. Суэнага удалось достичь впечатляющих результатов – урожайность риса в 1920-е гг. заметно повысилась, что позволило не только обеспечить метрополию рисом, но и экспортировать тайваньскую продукцию за пределы империи.

Примечательно, что Э. Исо и после окончания Второй мировой войны продолжал научную работу по усовершенствованию культивации риса *хораи* в условиях тропиков. Он доработал текст своей диссертации, добавив туда самые последние наработки, чтобы его трудами могли в полной мере воспользоваться последующие поколения (с. 2–3). Очевидные успехи Исо Эйкити в культивации нового сорта риса признавали и китайские власти, пришедшие на Тайвань на смену Японии в 1945 г. Э. Исо был среди 20 тыс. японских специалистов, которым власти КР разрешили остаться на острове. Он проработал в Агентстве сельского хозяйства и лесопользования консультантом еще 12 лет – вплоть до 1957 г., после чего вернулся в Японию. Ученый заслуженно пользовался на Тайване уважением на протяжении всего времени пребывания на острове.

Продолжением работы, начатой Э. Исо и М. Суэнага на Тайване, можно считать разработку нового сорта риса Институтом международных исследований риса (основан в 1960 г. на Филиппинах). Именно этот новый сорт, индонезийский (Сорт высокой урожайности IR8), был впоследствии успешно культивирован во многих азиатских странах. Таким образом, тайваньский рис *хораи* стал прототипом нового сорта, который впоследствии «накормил» всю Азию, сотворив тем самым «зеленую революцию» (с. 23).

Ирригационные системы

Стремительное повышение урожайности риса на Тайване во второй половине 1920-х гг. стало возможным благодаря реализации крупного инженерного проекта – строительства ирригационной системы в долине Цзянань на западе острова. Строительство водоотводных каналов, которые подводили воду к полям в засушливый период и отводили ее в период дождей, позволил значительно увеличить площадь обрабатываемой земли в этом районе – с 5 тыс. га до более чем 100 тыс. га и собирать урожай три раза в год. Под руководством известного японского инженера Хатта Ёити в период с 1920 по 1930 г. на реке Цзэнвэнь была сооружена плотина Ушаньтоу, выше по течению реки образовалось водохранилище. Помимо этого, для лучшего распределения воды по равнине Цзянань и увеличения поливных площадей был сооружен тоннель – довольно сложный в инженерном отношении проект, аналогов которому в то время практически не было (Т. Ватанабэ говорит о подобных тоннелях в США и Японии, однако их строительство было завершено позднее тайваньского проекта (с. 86)).

Т. Ватанабэ довольно подробно описывает процесс исследования японскими инженерами равнины и поиск подходящего места для строительства дамбы (с. 69–76). Примечательно, что плотина Ушаньтоу была сооружена на месте старой дамбы, построенной голландцами за 300 лет до прихода туда японцев – со времен голландского присутствия осталась старая кирпичная кладка, на которую обратили внимание инженеры во время обследования территории. В монографии также приводится детальное описание принципа строительства плотины, размещены чертежи и копии записей из блокнота Хатта Ёити (с. 62–63). Учитывая сложность инженерных сооружений (особенно, что касается тоннеля) и специфику оборудования (насосы для ирригации и буровое оборудование для тоннеля) Ё. Хатта принял решение ознакомиться с американскими разработками в этой области, поскольку на тот момент только в США производились насосы и буровое оборудование нужной мощности и надлежащего качества. В результате, после необходимых исследований территории и измерений местности, подлежащей искусственной ирригации, Ё. Хатта в сопровождении еще двух инженеров

на полгода отправился в США, после чего была организована доставка американского оборудования на Тайвань.

Такой основательный подход к реализации столь масштабного инженерного проекта не оставляет сомнений в том, что Ё. Хатта был ученым мирового уровня, а его активная поддержка администрацией колонии – свидетельством того, что власти были готовы пойти на значительные траты, будучи уверенными в том, что этот проект окупит себя в будущем и выведет сельское хозяйство острова на принципиально новый уровень развития. Автор монографии напоминает, что власти продолжали поддерживать строительство под руководством Ё. Хатта после того, как в конце 1922 г. при бурении тоннеля произошел взрыв газа, в результате которого погибли несколько десятков человек, финансирование не было прекращено и после значительного сокращения дотаций из метрополии после крупнейшего землетрясения в Японии в сентябре 1923 г. (Великое землетрясение Канто) (с. 88, 92).

Управление островом под руководством Кодама Гэнтаро и Гото Симпэй

В главе 6 Т. Ватанабэ рассматривает правление четвертого генерал-губернатора Тайваня Кодама Гэнтаро и его ближайшего помощника – главы гражданской администрации Гото Симпэй в качестве примера наилучшей модели администрации. По мнению автора, подлинная модернизация колонии началась лишь с приходом к власти в 1898 г. Г. Кодама и С. Гото, тогда как все усилия предыдущих губернаторов (С. Кабаяма, Т. Кацура, М. Ноги) были, главным образом, направлены на то, чтобы поддерживать внутреннюю стабильность на острове (с. 5–6, с. 120).

Хотя продолжение борьбы с «непокорными» группами населения еще оставалось в числе основных задач при администрации Г. Кодама и С. Гото, власти приступили к «научному» управлению, проведя полномасштабное обследование земель и изучение традиций и обычаев местного населения. К числу важных мер, проведенных в период 1898–1906 гг. автор справедливо относит начало развития сахарного производства, железнодорожное строительство, модернизацию портов в г. Цзилуне и Гаосюне, реализацию санитарно-эпидемиологических мер, введение начального школьного образования, введение монополий и борьбу с опиекурением, учреждение Банка Тайваня и реформирование всей валютно-финансовой системы. Примечательно, что такие административные меры как введение системы «баоцзя» (круговой поруки) и наделение губернатора полномочиями самостоятельно издавать законы («Закон №63»), которые были закреплены в законодательстве колонии почти сразу – в 1898 г., обычно представляются в китайской и тайваньской историографии как отрицательные стороны японского правления. Однако автор монографии причисляет их к необходимым мерам, которые обусловлены, в первую очередь, продолжением борьбы с «местными бандитами», которые отказывались подчиняться властям колонии (с. 127–129). Неслучайно в том же году начал действовать закон о наказании за бандитизм, нарушение которого грозило повстанцам смертной казнью. Т. Ватанабэ подчеркивает, что все эти меры были призваны создать условия для скорейшего начала модернизации колонии, что принципиальным образом отличает правление Г. Кодама и С. Гото от их предшественников, неизбирательно применявших силу в отношении местного населения (с. 5–6, 120).

Что касается личных качеств Г. Кодама и С. Гото, автор книги справедливо отмечает, что они привлекали к работе талантливых людей – известных ученых и инженеров, грамотно организовывали их работу и не боялись ставить амбициозные, а порой и грандиозные задачи. Так называемый научный подход проявлялся не только в готовности поддержать развитие какой-либо отрасли, но и в том, что японцы были готовы потратить время и силы на изучение

опыта других колониальных стран, использовать передовые технологии и технику на Тайване (примером могут служить поездки за рубеж для знакомства с американской техникой Хатта Ёйти в 1922 г. и изучение опыта выращивания яванского сахарного тростника ученого Нитобэ Инадзо в 1901 г.).

Следует отметить, что Т. Ватанабэ обо всех японцах, жизнь и работу которых на Тайване он рассматривает в книге, говорит как о людях высоко нравственных, преданных своему делу, неутомимых тружениках и людях, готовых пожертвовать многим ради реализации грандиозных проектов по модернизации колонии. Книга изобилует подробностями из жизни этих ученых – приводится описание бесед с коллегами, процесс убеждения руководства в необходимости утвердить конкретный план работы, описываются некоторые детали их семейной жизни, помимо этого особый упор сделан на эмоциональной составляющей – автор стремится представить наглядную картину того, как ученым было непросто работать. Неоднократно в разных главах Т. Ватанабэ повторяет, насколько сложные задачи перед ними стояли, вновь и вновь напоминает читателю о сложностях работы селекционера и, в частности, работы по адаптации японского риса в условиях тропиков. Очевидно, таким образом автор хотел продемонстрировать не только формальную сторону работы ученых, но и показать читателю судьбу каждого из этих ученых.

В качестве одного из примеров можно было бы рассмотреть эпизод, где Т. Ватанабэ рассказывает о сложности для Исо Эйкити принять решение остаться на Тайване после капитуляции Японии в 1945 г. (с. 2–4). Автор объясняет это, главным образом, высокими моральными качествами ученого и желанием работать на благо Тайваня даже после ухода отсюда японских властей. Вероятно, здесь еще следует учесть амбиции Э. Исо как ученого, который, действительно, стремился довести начатую работу до конца и опробовать на практике новые идеи. Как представляется, таких возможностей для масштабной реализации всех его научных идей, как на Тайване, у него больше нигде не было.

Тайвань до прихода японцев и в период японского правления

В главе 3 автор представил небольшой экскурс в историю Тайваня до прихода туда японцев. Описывая состояние экономики острова в цинский период, Т. Ватанабэ делает вывод о том, что реальная модернизация началась на Тайване только при японских властях: «условия, в которых можно было начать осуществлять управление островом, и которые позволили осуществить социальную интеграцию непокорного острова, были сформированы только Японией» (с. 48). Автор подчеркивает, что цинские власти, хотя и присоединили к империи остров, не собирались его развивать. Японцы же не только смогли полностью подчинить себе Тайвань, но и сделали все возможное для его процветания. В выводах Т. Ватанабэ также пишет о том, что, в отличие от других колониальных держав, японцы были нацелены не на эксплуатацию, а на модернизацию (с. 153). С этими утверждениями можно вполне согласиться, но с некоторыми оговорками. Действительно, японцы первыми из иноземных властей смогли установить свой контроль почти над всей территорией острова (за исключением небольшой части горных районов), однако говорить о социальной интеграции населения в период японского правления, как представляется, довольно сложно. Объединение под началом японских властей различных групп населения на базе японского языка и культуры, несомненно, являлось одной из главных задач колониальной политики, однако едва ли можно отнести интеграцию к результатам этой политики. Утверждение об отсутствии намерений у Японии эксплуатировать ресурсы колонии, как представляется, также не вполне объективно отражает суть колониальной политики. Вероятно, именно стремление к максимально эффективной эксплуатации колонии обусловило намерение властей провести полномасштабную модернизацию. Иными словами, «дивиденды»

от приобретения колонии могли стать максимально большими лишь в случае интенсивного развития всех отраслей на качественно новом уровне.

Отдельные эпизоды тайваньской истории описаны в книге Т. Ватанабэ не вполне точно. В частности, это касается первой японской военной экспедиции на Тайвань 1874 г. и Муданьского инцидента², послужившего поводом для ее организации. Автор говорит о том, что китайские власти отказались возместить убытки за убийство японских рыбаков «дикими» племенами Тайваня под предлогом того, что Тайвань является «чужой землей» (*foreign land*), жители которой не подчиняются цинским властям (с. 48). Использование такой терминологии создает у читателя впечатление, что китайские власти не считали остров территорией, входящей в состав империи, что в большей мере оправдывает действия японцев, отправивших военную экспедицию на «нейтральную», никому не подконтрольную землю. Вместе с тем, цины, несомненно, считали остров своей территорией, однако решили не возмещать Японии убытки за Муданьский инцидент под предлогом того, что «дикие» племена, населяющие горные районы острова, не подчиняются китайским властям (в отличие от китайцев, проживающих в равнинной части). Оценивая причины военной экспедиции на Тайвань, Т. Ватанабэ справедливо замечает, что Муданьский инцидент был использован Японией как предлог для оккупации (*occupation*, с. 48) острова. Говоря о результатах, автор отмечает, что японская сторона, «наказав» тайваньцев за убийство рыбаков, удовлетворилась денежной компенсацией, которую она требовала перед началом военной операции (с. 48). К этому все же следует добавить, что Япония, по сути, не смогла завоевать остров в 1874 г., хотя такие цели ставились перед военной экспедицией. Значительную роль сыграл особый влажный климат Тайваня, где были распространены многие тропические болезни – потери среди японского контингента от этих болезней более чем в 40 раз превышали потери в ходе вооруженных столкновений. Если же рассматривать Муданьский инцидент и последовавшую через три года экспедицию 1874 г. в более широком контексте, то можно отметить, что «защита» рыбаков с островов Рюкю послужила формальным поводом также и к тому, чтобы Япония объявила рюкюсцев своими подданными (в июле 1872 г. территория королевства Рюкю императорским эдиктом была провозглашена частью Японской империи), а по итогам военной экспедиции 1874 г. она окончательно закрепила свой суверенитет над островами, объявив их своей префектурой.

Отдельные термины, использованные в книге, также вызывают вопросы. В частности, автор признает, что все годы сопротивления местного населения установлению японской власти, по сути, были вторым этапом японо-китайской войны (с. 49) – иными словами, речь идет о полномасштабном сопротивлении тайваньцев, а не о локальных очагах нестабильности. При этом те, кто оказывал сопротивление японцам, названы «местными бандитами» (*local bandits*), «убийцами, ворами, мародерами», которых «было очень сложно отличить от мирного населения, т.к. в любой подходящий момент они вновь брали в руки оружие и оказывали сопротивление» (с. 50–51). К «бандитам» относились все – и китайцы, и аборигены: карта антияпонских восстаний «Сопротивление бандитов японским силам в 1896–1932 гг.» (с. 52) демонстрирует места столкновения японцев с китайцами, с аборигенами, а также совместное сопротивление китайцев и аборигенов. Очевидно, такая трактовка, использованная Т. Ватанабэ, относится лишь к колониальному периоду, когда японские власти проводили четкую границу между лояльным режимом населения и повстанцами, которые именовались «бандитами» и попадали под действие принятого в 1898 г. закона о наказании за бандитизм (по данным автора книги только за 1901–1902 гг. по этому закону было приговорено к смертной казни 12 тыс. тайваньцев (с. 127)).

² Японская карательная экспедиция на Тайвань 1874 г. была организована с целью наказать «дикие племена» горцев, населявших восточное побережье острова, по вине которых в 1871 г. погибли японские рыбаки после кораблекрушения (т.н. Муданьский инцидент).

Примечательно, что еще один термин – «аборигены» – Т. Ватанабэ называет «унизительным» для коренных народностей Тайваня, хотя период, который автор описывает с использованием этого термина, относится к до-японской эпохе – периоду миграции материковых китайцев из южных провинций на Тайвань и оттеснению «диких» племен с равнины в горы (с. 47). Известно, что сами японцы также использовали термин «аборигены» применительно к народностям малайского происхождения, проживающим на острове.

Говоря о переходе Тайваня под юрисдикцию Китая в 1945 г., Т. Ватанабэ замечает, что переход под власть китайцев «не отвечал реальным желаниям и устремлениям тайваньцев» (с. 18). Не совсем понятно, на основе каких данных автор сделал такое предположение. Жители Тайваня, действительно, испытали чувство разочарования в политике и методах управления китайских властей, однако это произошло значительно позднее – после подавления Гоминьданом антиправительственного восстания в феврале 1947 г. Едва ли можно говорить о нежелании местного населения возвращаться в состав Китая на момент окончания Второй мировой войны. Пятьюдесятью годами ранее по условиям Симоносекского договора Тайвань перешел к Японии, при этом нежелание тайваньцев менять администрацию с китайской на японскую проявлялось значительно сильнее – антияпонская вооруженная борьба местного населения продолжалась в течение нескольких лет.

В целом, Т. Ватанабэ вполне справедливо отмечает все положительные стороны японского правления, в частности, модернизацию колонии по образцу реформ Мэйдзи, но обходит стороной неприглядные стороны этого правления. Одновременно с этим, при описании периода китайского управления (в эпоху Цин и после окончания Второй мировой войны) Т. Ватанабэ делает акцент исключительно на отрицательных сторонах. В частности, говоря о послевоенном Тайване, автор не упоминает о значительном развитии фермерства и промышленности в 1950-е – 1970-е гг., хотя именно эти преобразования позволили острову перейти к наукоемким отраслям производства и войти в число «азиатских тигров». Демократические преобразования под руководством Ли Дэнхуэя в 1990-е гг., о которых автор говорит как о восстановлении социальных норм и порядка, «привитых» Тайваню японцами и нарушенных Гоминьданом (с. 155), как представляется, не могли состояться без достижения к 1980-м гг. определенного уровня экономического развития.

Тайвань и Корея под управлением Японии

Сравнивая колониальное правление в Корее и на Тайване, Т. Ватанабэ отмечает, что привнесение Японией новых социальных норм и социального порядка было по-разному воспринято населением этих двух регионов (с. 156). Действительно, Тайвань, который был длительное время периферией Китайской империи, на момент перехода к Японии не обладал государственностью, в состав населения входили разные этнические группы, говорящие на разных языках и не составляющие в культурном плане единое, «монолитное» общество. В Корее ситуация была прямо противоположной, поэтому довольно успешно реализуемая на Тайване японская («мэйдзийская») модель модернизации встретила ожесточенное сопротивление со стороны корейского общества. Заметим, что навязывание японской культуры и языка в Корее стало одним из сильнейших факторов роста национализма, являвшегося основой антияпонского сопротивления в колонии. Т. Ватанабэ в своей книге не упоминает об этом факторе, обращая внимание лишь на специфику государственного уклада в Корее («иерархически выстроенное государство, базирующееся на принципах неоконфуцианства», «деспотичное управление с жесткой иерархией в обществе» (с. 156)).

Подводя итог, Т. Ватанабэ говорит о том, что японское правление оказалось наиболее эффективным из всех, что были когда-либо на Тайване (вплоть до вступления острова на путь

демократического развития в конце 1980-х – 1990-х гг.), автор также считает, что японская модель колониального освоения оказалась лучше всех остальных – европейских – колониальных режимов (с. 153). Главной причиной этого, как считает Т. Ватанабэ, являлось то, что японцы не были нацелены на эксплуатацию, как другие колониальные державы, а стремились «перенести японскую модель современной цивилизации на Тайвань», учитывая при этом местные традиции и обычаи (с. 153). Свообразными проводниками японской модернизации на Тайване стали мэйдзийские японцы – наиболее талантливые управленцы, инженеры и ученые, которые смогли заложить основу дальнейшего развития острова. С этими выводами, несомненно, можно согласиться, однако хотелось бы уточнить, что период, рассматриваемый автором монографии как принципиальный для дальнейшего освоения острова и в каком-то смысле даже переломный, имея ввиду тот факт, что Тайвань наконец начал приносить прибыль метрополии, ограничивается по сути лишь первыми 15–20 годами (если учитывать только период правления Г. Комада и С. Гото, то только первые 11 лет). При этом автор дает оценку всему периоду колониального правления без учета последующих десятилетий. Тайвань находился под управлением Японии 50 лет, из которых последние 10–15 лет (начиная с 1930-х гг.) были отмечены гораздо более жесткими методами ассимиляции местного населения, отменой многих демократических послаблений, на которые пошли власти в 1920-е гг., мобилизацией всех ресурсов и населения в период военных действий Японии в Азии.

Как представляется, период администрации мэйдзийских японцев, действительно, заложил основу для дальнейшего развития Тайваня, наглядно продемонстрировал, что Япония собиралась сделать остров полноценной частью своей империи, для чего прилагала немало усилий и не жалела материальных средств. Другой вопрос, каких результатов удалось достичь японцам к концу колониального правления, были ли реализованы амбициозные задачи, сформулированные мэйдзийскими японцами? При ответе на эти вопросы, по всей видимости, придется учитывать специфику управления островом не только в начале XX в., но и в 1920-е – 1940-е гг.

Монография Т. Ватанабэ, несомненно, заслуживает внимания, она является значительным вкладом в исследования колониального Тайваня, в которой автор представил живую картину экономической модернизации острова. Книга Т. Ватанабэ хотя и содержит специфичные трактовки отдельных эпизодов тайваньской истории, которые вполне укладываются в традицию японской историографии по колониальному периоду, в ней собраны ценные материалы, касающиеся жизни и работы известных японских ученых и исследователей, посвятивших всю свою жизнь модернизации Тайваня, а также особенностей управления островом в начальный период его освоения.

REFERENCES

- Chen Bisheng. (1982). *Taiwan difang shi* [Local History of Taiwan]. Beijing: Zhongguo kexue chubanshe. (In Chinese).
- Watanabe, T. (2022). *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books.

Поступила в редакцию: 23.05.2023

Received: 23 May 2023

Принята к публикации: 11.07.2023

Accepted: 11 July 2023